

Джеймс Мэтью Барри

Питер Пэн и Венди

Перевод с английского
Нины Демуровой

Перевод стихотворений
Дины Орловской

Художник
Петер Учнар

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮЛИАНТ
Нур-Султан

Оглавление

Глава 1. Питер прорывается	6
Глава 2. Тень.....	16
Глава 3. Улетим! Улетим!.....	26
Глава 4. Полёт	40
Глава 5. Остров наяву.....	50
Глава 6. Домик для Венди	62
Глава 7. Дом под землёй.....	72
Глава 8. Залив Русалок.....	80
Глава 9. Птица-Небылица.....	92
Глава 10. Счастливая семья.....	96
Глава 11. Сказка Венди	104
Глава 12. Дети попадают в плен	114
Глава 13. Вы верите в фей?	120
Глава 14. Пиратский корабль.....	130
Глава 15. «Крюк или я!».....	139
Глава 16. Возвращение	149
Глава 17. Когда Венди выросла.....	159

Глава 1

Питер прорывается

Все дети (кроме Питера Пэна, о котором ты скоро услышишь) в конце концов становятся взрослыми. Рано или поздно они узнают, что должны вырасти. Венди узнала об этом так. Когда ей было два года, играла она однажды в саду, сорвала цветок и подбежала к матери. Должно быть, она была очень мила в эту минуту, потому что миссис Дарлинг прижала руку к сердцу и воскликнула:

— Ах, если б ты осталась такой навсегда!

Больше они об этом не говорили, но с тех пор Венди уже твёрдо знала, что вырастет. Об этом всегда узнаёшь, как только тебе исполнится два года. Два — это начало конца.

Тебе, конечно, известно, что Дарлинги жили в доме номер четырнадцать, и до появления Венди главной в семье была мама, очаровательная женщина с романтическим воображением и прелестным насмешливым ртом. Романтическое воображение миссис Дарлинг походило на маленькие шкатулки, которые привозят из далёких восточных стран. Откроешь одну — а в ней другая, поменьше, а в той ещё одна, и так без конца! А в уголке её прелестного насмешливого рта прятался поцелуй, который Венди никак не удавалось поймать. Как она ни старалась, он всё ускользал от неё! Кажется бы, вот он, притаился в правом уголке рта, — а попробуй поймай!

Мистеру Дарлингу она досталась так: множество джентльменов, которые были юношами, когда она была девушкой, вдруг в один и тот же миг обнаружили, что любят её; они бросились со всех ног к её дому, чтобы предложить ей руку и сердце, но мистер Дарлинг крикнул извозчика, домчался туда первым и получил её в награду. Он получил всё — кроме самой последней шкатулочки и поцелуя, который прятался в уголке её рта. О шкатулочке он и не подозревал, а на поцелуй со временем махнул рукой. Венди считала, что получить этот поцелуй мог бы только Наполеон; ну а мне кажется, что и Наполеон ушёл бы ни с чем, в сердцах хлопнув дверью.

Мистер Дарлинг не раз хвастался Венди, что её мать не только любит, но и уважает его. Он был одним из тех глубокомысленных людей, что всё знают про акции и облигации. По-настоящему, конечно, о них никто ничего не знает, но он говорил о том, что акции поднялись или упали в цене, с таким видом, что ни одна женщина не могла бы отказать ему в уважении.

В день свадьбы миссис Дарлинг была вся в белом; поначалу она записывала все расходы с величайшей тщательностью и даже, казалось, находила в этом удовольствие, будто играла в какую-то весёлую игру; не было случая, чтобы она забыла хоть пучок петрушки; но мало-помалу она стала пропускать целые кочаны цветной капусты, а вместо них на страницах её расходной книги появились рисунки каких-то младенцев. Она рисовала их вместо того, чтобы заниматься подсчётами. То были догадки миссис Дарлинг.

Первой появилась Венди, потом Джон, а потом Майкл.

Недели две после появления Венди было неясно, смогут ли Дарлинги оставить её в семье — ведь прокормить лишний рот не так-то просто! Мистер Дарлинг безумно гордился Венди, но он был прежде всего человеком чести. И вот, присев на краешек кровати миссис Дарлинг и взяв её за руку, он занялся подсчётами, в то время

как она смотрела на него с мольбой в глазах. Она готова была рискнуть, что бы их ни ожидало, но он был не таков. Он любил всё точно подсчитать с карандашом в руках, и если она своими предложениями сбивала его — что ж, он просто начинал всё сначала!

— Пожалуйста, не прерывай меня, — просил он. — Значит, так: один фунт семнадцать шиллингов дома и два шиллинга шесть пенсов — на службе; я могу отказаться от кофе на службе — скажем, десять шиллингов домой, — получается два фунта девять шиллингов шесть пенсов, да у тебя восемнадцать шиллингов и три пенса, итого три фунта семь шиллингов девять пенсов; в банке у меня пять фунтов, итого восемь фунтов семь шиллингов — кто это там ходит? — восемь... семь... девять... — не мешай мне, милая, — да ещё фунт ты одолжила соседу — молчи, дорогая, — значит, ещё фунт... и, дорогая... — ну вот и всё! Как я сказал — девять фунтов семь шиллингов и девять пенсов? Да, так и есть, девять, семь и девять. Вопрос теперь в том, сможем ли мы прожить год на девять фунтов семь шиллингов и девять пенсов в неделю?

— Ну конечно, сможем, Джордж! — восклицала она.

Сказать по правде, она готова была на всё ради Венди. Но мистер Дарлинг твёрдо стоял на своём. Нет, он был просто великолепен!

— Не забывай про свинку! — предупреждал он её чуть ли не с угрозой в голосе.

И тут всё начиналось сначала.

— Свинка — один фунт... То есть это я только так пишу, на самом деле, конечно, будут все тридцать шиллингов! Не прерывай меня! Корь — один фунт и пять шиллингов, краснуха — полгиней. Итого — два и пятнадцать с половиной, не маши руками! Коклюш — пятнадцать шиллингов...

Так оно и шло, только результат каждый раз получался иной. Но в конце концов Венди всё-таки в семье оставили — свинку свели до двенадцати с половиной шиллингов, а корь и краснуху посчитали заодно.

Такое же волнение царило в доме и по поводу Джона, а Майклу пришлось и совсем туго; но оба были всё же приняты в семью, и вскоре всех троих можно было увидеть на улице: вместе с нянькой они чинно шли рядком в детский сад мисс Фулсом.

Миссис Дарлинг любила, чтобы в семье был порядок, а мистер Дарлинг хотел, чтобы у них всё было как у людей, так что, конечно, у детей была нянька. Но так как Дарлинги были бедны (ведь дети выпивали столько молока!), в няньки они взяли ньюфаундленда, собаку по кличке Нэна, у которой не было хозяев до тех пор, пока её не наняли Дарлинги. Она была собакой строгих правил и всегда относилась к детям с большим вниманием; Дарлинги познакомились с нею в Кенсингтонских садах, где она проводила большую часть своего свободного времени, заглядывая

в детские коляски. К немалой досаде нерадивых нянек, она бежала за ними до самого дома и жаловалась на них хозяйкам.

Нэна оказалась просто сокровищем. Как строга она была во время купания! А ночью мгновенно вскакивала, стоило кому-нибудь из детей подать голос. Разумеется, её конура стояла в детской. Она прямо каким-то чудом понимала, когда на кашель можно не обращать внимания, а когда нужно завязать горло шерстяным чулком.

Всем лекарствам до последнего дня своей жизни она предпочитала старинные средства, вроде ревеня, а когда при ней заводили разговор о микробах, она только презрительно фыркала. В детский сад она провожала их по всем правилам: пока они вели себя хорошо — степенно шла рядом, а стоило кому-либо отбежать в сторону — живо возвращала его на место.

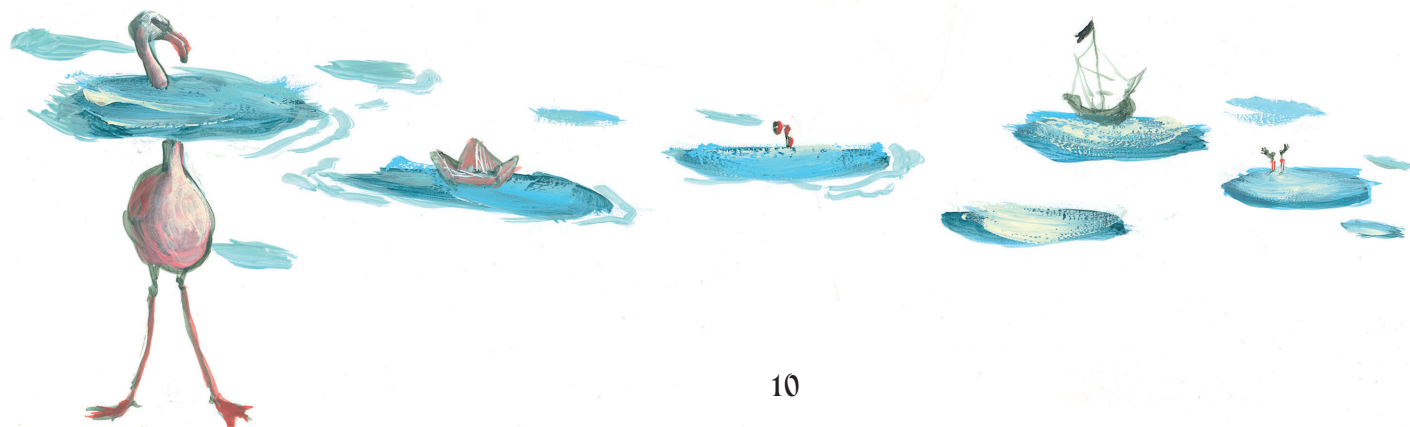
Если у Джона в этот день был футбол, она никогда не забывала его свитер, а на случай дождя всегда носила в зубах зонтик. В детском саду мисс Фулсом в подвале была комната, где няньки ждали детей, когда приходили за ними. Няньки сидели на скамейках, а Нэна лежала на полу — вот и вся разница! Они притворялись, что не замечают её, потому что она ниже их по своему положению, а она презирала их болтовню.

Нэна не любила, чтобы в детскую заходили гости, но если уж этого было не избежать, она мигом срывала с Майкла нагрудник и надевала другой, с голубыми лентами, одёргивала на Венди платье и прилизывала Джону волосы.

В детской царил образцовый порядок, и мистеру Дарлингу это было хорошо известно, и всё же он с тревогой думал о том, что скажут люди. Ведь он должен был помнить о своём положении в обществе.

Была у него и другая причина для беспокойства. Иногда мистеру Дарлингу казалось, что Нэна не восхищается им.

— Я знаю, она от тебя просто без ума, Джордж, — уверяла его миссис Дарлинг и подавала детям знак, чтобы они развеселили отца. Тут начинались пляски, и даже маленькой служанке Лизе, которая тоже жила у Дарлингов, порой разрешали принять в них участие. В своей длинной юбке и белоснежной наколке она выглядела просто крошкой, хоть и клялась, когда её брали в дом, что ей исполнилось десять лет. Какое это было веселье! Как они прыгали, кричали, плясали! Но больше всех

веселилась миссис Дарлинг, она так бешено кружилась в танце, что виден был лишь поцелуй, притаившийся в уголке её рта. Будь ты попроворнее, может, ты и сумел бы его схватить! Словом, не было на свете другой такой весёлой и счастливой семьи, пока в доме не появился Питер Пэн.

Впервые миссис Дарлинг узнала о нём, когда стала однажды наводить порядок в мыслях своих детей. По вечерам, когда дети засыпали, хорошие матери начинают разбирать их мысли, раскладывая по местам всё, что накопилось в их головах за целый день. Если б ты как-нибудь не сразу заснул (только у тебя это, конечно, не выйдет), ты бы увидел, как мама разбирает твои мысли. Это очень интересно! Похоже, будто она прибирает в комод. Думаю, что некоторые находки ей очень приятны, а другие — нет. Вот она, стоя на коленях, берёт что-то в руки, удивляется, как к тебе попала эта мысль, другую прижимает к щеке и гладит как котёнка, а третью торопливо убирает с глаз долой. А утром, когда ты проснёшься, все шалости и злые побуждения, с которыми ты заснул, будут свёрнуты и спрятаны на дне ящика, а сверху, на самом виду, будут разложены все твои самые лучшие мысли и намерения, вычищенные и выглаженные, — только надевай!

А видел ты когда-нибудь карту собственных мыслей? Врачи порой рисуют схемы некоторых частей твоего тела, и это бывает безумно интересно, но сделать карту твоих мыслей нелегко, ибо в голове у тебя всё перепутано и всё время меняется. Чего-чего там только нет! Какие-то зигзаги вроде твоей температуры, вычерченной на листе бумаги; вероятно, это дороги на острове — ведь Нигдешняя страна всегда кажется нам островом: и всё там так ярко и удивительно — и коралловые рифы, и быстроходный бриг, ставший на якорь в заливе, и дикари, и пустые приюты, и гномы, но большей частью — портные, и пещера с бьющим из-под земли источником, и принц с шестью старшими братьями, и ветхая хижина, и крошечная старушка, у которой нос крючком. Во всём этом можно бы разобраться, но есть там ещё и первый день в школе, и отцы, и круглый пруд, и рукоделие, и убийства, и виселицы, и глаголы, после которых идёт дательный падеж, и шоколадный пудинг, и больное горло («Ну-ка скажи «а-а!»), и расшатавшийся зуб («Три пенса, если вырвешь его сам!»), и длинные брюки, и многое-многое другое. И то ли это разные части острова, то ли просто одна карта просвечивает сквозь другую, — но только всё это страшно запутано, особенно потому что всё это находится в движении.

Конечно, Нигдешняя страна у каждого своя. У Джона, например, там была лагуна, над которой летали фламинго, и он на них охотился. А у Майкла, который был ещё очень мал, лагуны летали над фламинго. Джон жил на своём острове в перевернутой лодке, которую он вытащил на песок, Майкл — в вигваме, умело сшитом из листьев. У Джона друзей не было, у Майкла они появлялись по ночам, а Венди дружила с волчонком, которого бросили родители. Впрочем, между этими островами всегда есть семейное сходство, и если б поставить их в ряд и велеть стоять смирно, ты бы увидел, что носы у них одинаковые — да и не только носы! К этим волшебным берегам вечно плывут в своих лодках дети. Там бывали и мы; нам и теперь ещё порой слышен шум нездешнего прибоя, но ступить на те берега нам больше не дано!

Из всех чудесных островов Нигдешний самый уютный и удобный: всё в нём рядом, прямо рукой подать, и приключений хоть отбавляй. Там скучать не приходится. Днём, когда играешь в остров Нигдешний со стульями и скатертью, он совсем не страшный, но вечером, за те две минуты, пока ты не заснул, он вдруг оживает. Вот потому-то в детской всегда горят ночники.

Время от времени, разбирая мысли своих детей, миссис Дарлинг находила в них что-нибудь непонятное, и самым загадочным для неё было слово «Питер». Среди знакомых у Дарлингов не было никакого Питера, и всё же он то и дело попадался ей в мыслях у Джона и Майкла; ну а у Венди в мыслях он занимал главное место. Вглядевшись в это имя, миссис Дарлинг увидела, что буквы в нём крупнее, чем в других словах, и выглядит оно как-то дерзко.

— Да, он очень любит дерзить, — подтвердила со вздохом Венди, когда миссис Дарлинг расспросила её.

— Но кто же он, доченька?

— Питер Пэн! Ты ведь его знаешь, мама!

Миссис Дарлинг его не знала, но, задумавшись о своём детстве, припомнила какого-то Питера Пэна, который, по слухам, жил у фей. О нём рассказывали всякие чудеса: будто, когда дети умирают, он летит с ними часть пути, чтобы им не было страшно. В детстве она в него верила, но теперь, когда она вышла замуж и стала более разумной, она усомнилась в его существовании.

— Но теперь уж он, конечно, вырос, — сказала она Венди.

— А вот и нет, — уверенно ответила Венди. — Он ростом точь-в-точь как я.

Она хотела сказать, что он не старше её да и ростом не больше; неизвестно, откуда она это знала, — просто знала, и всё!

Миссис Дарлинг рассказала об этом разговоре мужу, но он только рассмеялся.

— Уверяю тебя, — сказал он, — весь этот вздор от Нэны. Такое только собаке может прийти в голову. Ты не волнуйся — и всё забудется!

Однако ничего не забылось, а вскоре этот негодник не на шутку испугал миссис Дарлинг.

С детьми, бывает, приключаются самые невероятные вещи, которые их совсем не пугают. Скажем, неделю спустя они могут невзначай заметить, что, гуляя в лесу, встретили своего покойного отца и играли с ним. Так и Венди как ни в чём не бывало сообщила однажды утром матери удивительную новость. Видишь ли, миссис Дарлинг нашла на полу в детской какие-то листья, которых там, конечно, не было, когда дети ложились спать. Миссис Дарлинг ломала себе голову над тем, откуда они взялись, как вдруг Венди снисходительно улыбнулась и сказала:

— Ну конечно, опять этот Питер!

— Что ты говоришь, Венди?

— Противный мальчишка! Никогда не вытирает ноги, — вздохнула Венди. Сама она была очень аккуратна.

Она спокойно объяснила, что по ночам Питер прилетает иногда в детскую и, усевшись на спинку кровати у неё в ногах, играет на дудочке. К счастью, Венди никогда не просыпалась ночью, так что непонятно, откуда она это знала, — просто знала, и всё!

— Чепуха, дорогая! В дом нельзя войти, не постучав.

— По-моему, он влезает в окно.

— На третий этаж?!

— Так ведь ты нашла листья у окна, мама?

Да, ничего не скажешь, листья действительно лежали у окна. Миссис Дарлинг не знала, что и подумать, а Венди всё было понятно: не могло же ей это просто присниться!

— Доченька, — вскричала миссис Дарлинг, — но почему ты раньше мне ничего не сказала?

— Забыла, — весело бросила Венди. Она торопилась завтракать.

Нет, конечно, всё это ей просто приснилось!

Правда, под окном лежали листья... Миссис Дарлинг внимательно их рассмотрела; они были сухие и хрупкие, но миссис Дарлинг была совершенно уверена в том, что в Англии деревьев с такими листьями нет. Со свечой в руке она осмотрела весь пол в детской, ища следы таинственного посетителя. Она залезла кочергой в дымоход и простучала стены. Она спустила мерную ленту из окна — до земли было тридцать футов, а водосточной трубы, чтобы взобраться вверх, возле окна не было.

Ну конечно, Венди всё это просто приснилось!

Но нет, это был не сон; следующей же ночью произошли необычайные события, подтвердившие её слова, — с них-то всё и началось! Вечером дети, как всегда, лежа-

ли в постелях. У Нэны этот вечер был выходной, и миссис Дарлинг сама искупала детей и спела им колыбельную, пока один за другим они не выпустили её руки и не ускользнули от неё в страну сна.

Было так тихо и уютно, что собственные страхи показались ей смешными, и она спокойно уселась с рукоделием у камина.

Она шила для Майкла — близился день его рождения, когда он впервые должен был надеть рубашку. Она пригрелась у огня, детская была слабо освещена тремя ночниками, и вскоре шитьё выпало из её рук. Голова её опустилась на грудь — о, это было прелестное зрелище... И она заснула. Взгляни же на них: Венди и Майкл — вон там, Джон — здесь, а миссис Дарлинг у камина. Только четвёртого ночника в детской не было.

Ей снился сон. Ей снилось, что Нигдешний остров приблизился и оттуда появился необычный мальчик. Он её не встревожил, ей казалось, что она уже различала его черты раньше в лицах многих женщин, у которых не было детей. Возможно, он виделся ей на лицах и некоторых матерей.

Но в её сне он разорвал лёгкую завесу, которая затеняет Нигдешнюю страну, и она увидела, что Венди, Джон и Майкл смотрят туда.

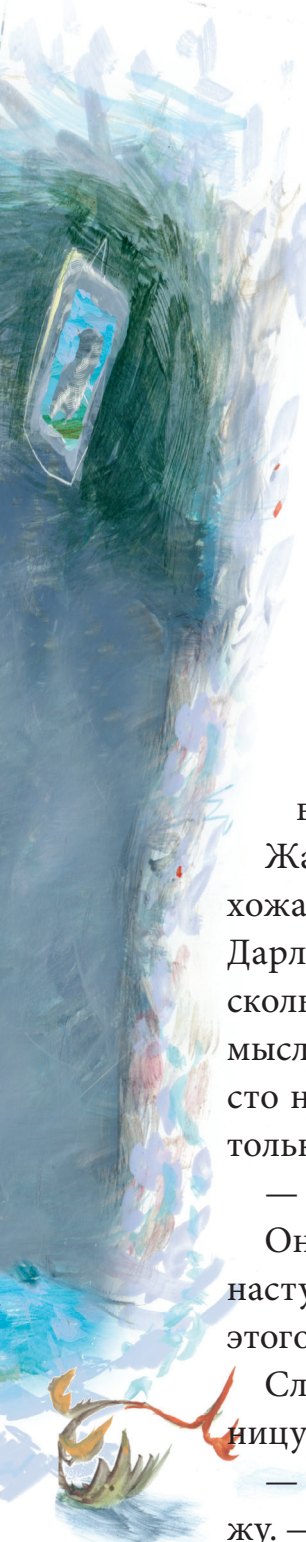
Сам по себе сон этот ничего бы не значил, но пока он ей снился, окно в детской распахнулось, и в комнату прыгнул мальчик. Вместе с ним влетел какой-то странный огонёк, не больше твоего кулака, который заметался по комнате словно живой, и этот-то огонёк, по-моему, и разбудил миссис Дарлинг.

Она вскрикнула и проснулась; увидев мальчика, она почему-то сразу поняла, что это Питер Пэн. Если бы в комнате в эту минуту был ты, или я, или Венди, мы бы заметили, что он очень похож на поцелуй, прятанный у миссис Дарлинг в уголке рта. Он был очень хорош собой, платье ему заменяли сухие листья и берёзовый сок, а зубы у него (нет, ты только подумай!) были все как один молочные. Они так и сверкали, будто жемчужные! Увидев взрослую, он заскрежетал на неё зубами.

Глава 2

Тень

Миссис Дарлинг закричала, и тотчас же, словно в ответ на звонок, дверь распахнулась, и в детскую вбежала Нэна — она вернулась домой после выходного. Нэна зарычала и бросилась на мальчика, но тот быстро выпрыгнул в окно. Миссис Дарлинг снова закричала — на этот раз от страха; она боялась, что он разобьётся о мостовую; она выбежала на улицу, но там его не было; она поглядела вверх, но не увидела ничего, кроме маленькой звёздочки, которая, как ей показалось, падала с неба.

Миссис Дарлинг вернулась в детскую и увидела, что Нэна что-то держит во рту — как оказалось, это была тень мальчика. Сам-то он ускользнул от Нэниных зубов, но тени его не повезло: она не успела выскочить вместе с ним — окно захлопнулось, и тень осталась в комнате.

Можешь не сомневаться, миссис Дарлинг оглядела её со всех сторон, но тень была самой обыкновенной.

Нэна тут же решила, как с ней поступить. Она вывесила тень за окно и подумала про себя: «Конечно, он скоро явится за нею; пусть она висит здесь на виду, тогда он легко её достанет, не потревожив детей».

Жаль только, что миссис Дарлинг не могла её там оставить: тень была очень похожа на неглаженое бельё, из-за неё весь дом стал выглядеть некрасиво. Миссис Дарлинг хотела показать тень мужу, но он как раз в это время подсчитывал, во сколько обойдутся зимние пальто для Джона и Майкла; чтобы сохранить ясность мысли, он обвязал голову мокрым полотенцем, и мешать ему сейчас было бы просто непростительно! К тому же миссис Дарлинг прекрасно знала, что в ответ он только скажет:

— Что ж ты хочешь, если в няньках у детей собака!

Она решила свернуть тень и спрятать её в комод — пусть полежит там, пока не наступит удобный момент рассказать обо всём мистеру Дарлингу. Ах, лучше б она этого не делала!

Случай представился через неделю, в пятницу. Ну конечно, это случилось в пятницу! Этой пятнице суждено было стать незабываемой для всей семьи.

— Ах, почему я не остереглась! — не раз говорила потом миссис Дарлинг мужу. — Ведь это была пятница!

А Нэна сидела по другую сторону от миссис Дарлинг и держала её за руку.